

дневным в отношении к правительственной политике анекдотом является еще одним свидетельством того, что его связи с русским масонством не обрываются в 1790 г. Бывшим «братьям» по масонству оно должно было показать, что, отвергая теософские поиски, Карамзин принимает практическую программу их общественной деятельности. Представление о личной благотворительности как общественной добродетели, разумеется вне рамок тайной масонской организации, становится весьма существенной чертой философии жизни зрелого Карамзина; в петербургский период это побуждает его к постоянным хлопотам о делах людей, мало или совсем ему незнакомых. Оправдания Карамзина, вообще не склонного к публичным объяснениям, перед друзьями не были полностью тактическим приемом. Они также отражали его искреннее недоумение по поводу возникавших расхождений, ибо главное — нравственный идеал Карамзина, сформировавшийся в 1780-е годы, — осталось неизменным.

Пропаганду филантропии и добродетели Карамзин продолжал в «Вестнике Европы», помещая здесь как присланные подписчиками, так и им самим рассказанные анекдоты. В «Письме из Т.» («Русская честность») — излагалась целая программа патриотического сборника анекдотов о добродетелях русских людей. «Не странно ли видеть, — писал корреспондент, — в русских книгах, издаваемых для детей, все примеры честности и бескорыстия, выбранные из иностранных ведомостей и журналов, не русские... и мы виноваты в том, что сие время не имеет собрания истинных анекдотов русской народной добродетели, которое могло бы обезоружить мизантропов. Я не принял бы в такое собрание ничего вымышленного, неверного: одна истина прелестна и сама собою».⁴² В «Письме издателя из Тулы» подчеркивается, что корреспонденту всегда приятно узнавать «добрые дела наших земледельцев, основанные на благородных движениях сердца, вопреки их так называемому низкому состоянию».⁴³

Два анекдота самого издателя повествуют о фактах, которым имеются аналогии в его раннем творчестве. История нищей Маланьи варьирует распространенный в сборниках анекдотов сюжет о слуге, который содержит обедневшего господина. С ним Карамзин встречался при переводе повести Жанлис «Медник». Заключается анекдот противопоставлением, по смыслу повторяющим зачин «Фрола Силина»: «... оно (имя Маланьи, — В. С.) для меня гораздо важнее Клеопатрина,

⁴² Вестник Европы, 1802, ч. III, № 10, стр. 139.

⁴³ Там же, ч. V, стр. 39.